

долготы и прочими диакритическими знаками. Досадно также, что хотя в тексте книги имеются отдельные ссылки, в книге отсутствует список специальной литературы.

Рецензируемая монография — результат долгой и кропотливой работы автора — во многих отношениях является уникальным и единственным в своем роде изданием: огромный фактический материал, должным образом упорядоченный, сочетается здесь с интересным творческим осмыслением семасиологических универсалий, многие из которых устанавливаются впервые. Перед нами своеобразная семасиологическая энциклопедия и.е. языков, которая, как представляется, неизменно будет использоваться в сравнительно-исторических исследованиях и станет настольной книгой индоевропейцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов В. В. Из славянских этимологии // Этимологическое исследование по русскому языку. Вып. 2. М., 1962.

2. Bertschinger M. *To want: An essay in semantics*. Bern, 1941.
3. Cohen M. Genou, adoption et parents en germanique // BSLP. 1927. 17.
4. Frisk Hj. *Wahrheit und Lüge in den indogermanischen Sprachen*. Göteborg, 1976.
5. Hoops J. Bight and left in the Germanic languages // *Etudes germaniques*. 1950. 5.
6. Benveniste E. Homophonie radicale en indo-europeen // BSLP. 1955. V. 51, Fasc. 1.
7. Bologna M. P. *Ricerca etymologica e ricostruzione culturale: Alle origini della mitologia comparata*. Pisa, 1988.
8. Chevalier J., Gheerbrant A. *Dictionnaire des symboles*. P., 1979.
9. Buck CD. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas*. Chicago, 1949.

Ходорковская Б. В.

Wierzbicka A. *The semantics of grammar*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1988. 618 p.

Автор рецензируемой книги, А. Вежбицка, является одним из признанных авторитетов в области современной общей семантики. Широкую известность получила ее работа [1], в которой был предложен формальный аппарат семантического представления высказываний естественного языка (семантический метаязык), а также глубокое исследование по русскому падежу [2]. Эти работы были частично переведены на русский язык [3, 4].

Новая книга А. Вежбицкой под интригующим названием «Семантика грамматики» заслуживает самого серьезного внимания. Вопросы, поднятые в ней, имеют принципиальное значение для современной лингвистики в целом. Дело в том, что весьма плодотворный «штурм» семантики естественного языка, предпринятый в 70–80-е годы и давший ряд блестящих результатов, в какой-то мере уже исчерпал свои ресурсы.

Заслуга А. Вежбицкой состоит в том, что она одна из первых поняла необходимость пересмотра той научной парадигмы, которая была унаследована лингвистикой еще из ее «досемантического» периода и которая рассматривала семантику как нечто внешнее по отношению к внутренней структуре языка. Такое,

казалось бы, безбидное допущение, постулирующее произвольность связи значений с формой, приводило к выявлению бесчисленного множества локальных ad hoc-овых соотношений между языковыми формами и выраженными ими значениями.

Достаточно детальный анализ употреблений всякой формы выявлял необходимость учета необозримого числа контекстных и словарно задаваемых ограничений на реализацию того или иного значения этой формы, и всякий раз сохранялась возможность существования исключений, требующих дополнительных локальных правил.

В отличие от широко распространенного мнения, что «семантика есть незаменимая область знания, которую можно оставить тем, кто интересуется значением, в то время как другие лингвисты могут посвятить себя чему-нибудь другому», А. Вежбицка исходит из того, что «язык есть интегральная система, в которой все компоненты — слова, грамматические конструкции, иллокутивные средства (включая интонацию) — служат цели выражения значений. Если это так, то лингвистика естественным образом состоит из трех частей, которые могут быть наз-

ваны лексической семантикой, грамматической семантикой и иллокутивной семантикой» (с. 1). Одной из этих частей, грамматической семантике, и посвящена данная книга. Основное ее содержание составляет анализ конкретного языкового материала, но по существу она носит методологическую направленность: обобщать и прорекомендовать преимущества принятого автором взгляда на язык как на содержательно мотивированную систему формальных средств.

Главным аргументом традиционной концепции произвольности языковых средств является обилие случаев синонимии и многозначности грамматических единиц, когда одно значение выражается несколькими способами или одна грамматическая единица имеет несколько значений, не сводимых к одному инварианту. Поэтому основное внимание А. Вежбицка уделяет именно таким грамматическим явлениям, убедительно демонстрируя несостоятельность традиционных трактовок, основывавшихся на постулате об автономном синтаксисе и автономной морфологии.

Книга состоит из десяти глав (из которых восемь предварительно публиковалось в различных изданиях в период 1979–1986 гг.), разделенных на две части: «Семантика синтаксиса» и «Семантика морфологии». В первой части анализируются различные синтаксические конструкции, а во второй — морфологические категории.

Несомненным достоинством метода Вежбицкой является органичное сочетание а) топологически ориентированного подхода при рассмотрении конкретных семантических явлений и б) бережного отношения не только к конкретно-языковой специфике каждой рассматриваемой конструкции или категории, но и к возможным корреляциям грамматики с «этнофилософией». Такого рода синтезом обычно считающихся несовместимыми методов концепция А. Вежбицкой разительно отличается от большинства современных теорий, и в этом, как мне думается, ее основная новизна и объяснительная сила.

Каждая глава книги посвящена конкретному грамматическому явлению, но мне удобнее сгруппировать их в соответствии с общностью решаемых в них теоретических задач.

Во-первых, много внимания уделяется проблеме грамматической синонимии, вскрыть функциональную нагрузку которой традиционная теория оказывается бессильной. А. Вежбицка берется за трудную задачу: объяснить системный, регулярный и семантически мотивированный принцип альтернативного выбора на примере таких явлений, для кото-

рых в рамках традиционного подхода не найдено сколько-нибудь хорошего описания. Так, она подвергает анализу три существенных фрагмента синтаксиса английского языка: (1) группу конструкций с сентенциальными актантами (complements), использующих инфинитивный (TO), герундивный (ING), предложно-инфинитивный (FOR TO) оборот и придаточное с союзом THAT (с. 23–168), (2) перифрастическую конструкцию *have a V* (почему можно сказать *have a drink* «выпить» и нельзя **have an eat* «поесть»: с. 293–358) и (3) противопоставление так называемого «внешнего» (external) и «внутреннего» (internal) датива (*John offered a rose to Mary* — *John offered Mary a rose* «Джон предложил Марии розу») (с. 359–387). Кроме того, в отдельной главе (с. 499–560) исследуются числовые формы названий веществ, субстанций, совокупностей (ср.: *oats* «овес» и *wheat* «рожь»), выбор которых считается обычно произвольным.

В каждой из этих считающихся обычно бесперспективными областей грамматики Вежбицка одерживает убедительную победу над догмой произвольности соотношения между значением и формой.

В рамках краткой рецензии нет возможности отразить ход рассуждений автора и соотнести их с эмпирическим материалом. Однако можно констатировать, что предложенная А. Вежбицкой методика действительно эксплицирует логику грамматики и языковую интуицию говорящего. И сам язык, и использование языка организованы не произвольно, а глубоко содержательно мотивированы и иконически отражают семантическую структуру. Особая ценность этого вывода определяется тем, что он делается на, казалось бы, безнадежном материале, козырной карте сторонников произвольности грамматики формы.

Наряду с синонимией, серьезную методологическую проблему представляет полисемия языковых единиц. «Ее можно сформулировать следующим образом: если некая форма может употребляться несколькими различными способами, то должны ли мы постулировать для нее несколько различных значений или стремиться свести их к одному общему семантическому инварианту (рассматриваемому как ЗНАЧЕНИЕ данной формы) и приписывать разнообразие ее употреблений взаимодействию данного значения и лингвистического и экстралингвистического контекста?» (с. 260). Автор утверждает, что абсолютизация второго подхода, априорно кажущегося предпочтительным, может привести к опасным последствиям. Хотя не следует разноразнозначения без особой необходимости, тем не менее «формальная морфологическая тож-

дественность двух или более конструкций не означает, что эти конструкции следует считать одной и той же конструкцией» (с. 261). Необходимо scrupulous и тщательное рассмотрение всех употреблений данной формы и их семантических интерпретаций. В области синтаксиса этот тезис иллюстрируется на материале так называемого «адверсативного пассива» японского языка (с. 257–292), в области морфологии — на материале дательного падежа в польском языке (с. 391–434). А. Вэббичка показывает, что единая семантическая трактовка японского пассива как средства обозначить, что субъект главного предложения испытывает отрицательное воздействие¹, не соответствует фактам. В действительности существует несколько различных семантически связанных между собой конструкций, имеющих общий семантический компонент, но не сводящихся к нему (в частности, воздействие в определенных контекстах может быть положительным или нейтральным). Аналогичный результат получен для польского датива.

Думается, что избранная автором позиция в отношении полисемии языковых форм правильна, хотя те примеры, на материале которых эта позиция проиллюстрирована, нельзя считать достаточно убедительными. Трудно доказать, что более тридцати конструкций с польским дативом действительно необходимы и не могут быть сведены друг к другу. Выделяемые в падежной грамматике семантические роли экспериментера, реципиента и бенефициария практически покрывают все эти конструкции. Неслучайно, что в языках с ролевой ориентацией именно эти роли объединяются в дативе. Сопоставление с данными картвельских и дагестанских языков, в которых датив играет исключительную роль при оформлении актантов глагола, позволило бы, как мне кажется, достичь большего семантического обобщения.

Продуктивность исследования универсальной семантической категории в контрастно-типологическом аспекте продемонстрирована (с. 247–256) на материале каузативных конструкций в японском, английском, хинди и частично во французском, итальянском и русском языках. Веббичка показала, что использование

готовых ярлыков типа «прямая / непрямая каузация», «контактная/дистантная каузация», «жестко принудительная/слабо принудительная каузация» основывается на ошибочном допущении, что имеются определенные типы каузации, которые могут быть описаны априори и затем приписаны конкретным языкам. Детальный анализ показывает, что реальные каузативные конструкции значительно разнообразнее и зачастую семантически уникальны, хотя и содержат общие семантические компоненты (например, «У хочет этого», «У не хочет этого»). Конкретные конфигурации таких компонентов имеют тенденцию быть неповторимыми и не могут быть описаны с помощью общих ярлыков — для этого необходим метаязык толкований, использующий семантические примитивы (семантические единицы, не допускающие дальнейшего семантического разложения, типа *я, ты, хотеть, знать* и др.), в терминах которых, по мнению автора, конкретные семантические конфигурации конкретных языков могут быть разложены и адекватно описаны.

Развитием данной идеи является понятие этносинтаксиса, обоснованию которого посвящена специальная глава (с. 169 — 236). Возвращаясь к идее Гумбольдта, Сепира и Уорфа, Веббичка пытается найти строгое семантическое описание специфичных конкретно-языковых реализаций некоторых универсальных значений, позволяющее преодолеть субъективизм и произвольность суждений ее предшественников о связи языка и экстралингвистических аспектов культуры. Интересны в этой связи ее наблюдения, касающиеся многообразия средств выражения неспецифицированного деятеля в русском языке (см., в частности, различные подвиды безличных предложений) в отличие от английского.

В главе «Семантика падежного маркирования» (с. 435–462) проводится мысль о необходимости различения грамматических категорий и грамматического маркирования. А именно, хотя в определенных случаях грамматическая категория может не иметь открытого показателя, тем не менее она может быть однозначно определена (ср. оформление винительного падежа в словах *открытку* и *письмо* в предложении *Маша прочла открытку и письмо*). В то же время ошибочно считать, что способ маркирования значения грамматической категории семантически незначим. В частности, различные показатели одного и того же падежа могут дифференцироваться по значению; конкретный падежный показатель может иметь не только собственно падежную семантику, но и дополнительное значение, например, одушевленность, счетность

¹ Например, япон. *John ga* (подлежащее) *Mary ni* (агентивное дополнение) *piano* (винит, падеж) *hik-are-ta* (пассив, прош. время) — букв. «Джон Марией на пианино сыгран» — означает, что Джон был тем лицом, на кого было оказано отрицательное воздействие тем обстоятельством, что Мария играла на пианино, т. е. игра Марии на пианино была неприятна Джону.

и т. п. Этот тезис иллюстрируется русским винительным (ср.: *Иван увидел «Москвич» — Иван увидел москвича*), «паритивом» (ср.: *чашка чаю — запах чая*), родительным множественного числа (ср.: *килограмм помидор — пять помидоров*), а также данными польского языка.

Глава «Что такое существительное? (Или: чем существительные отличаются по значению от прилагательных?)» (с. 463—498) ставит вопрос о семантической мотивации для реализуемого во многих (хотя и не во всех) языках противопоставления существительных и прилагательных. Отталкиваясь от традиционного мнения, что существительные обозначают «субстанции», а прилагательные «качества», и не присоединяясь к точке зрения, согласно которой различие между этими частями речи не имеет семантического основания, Вежицка предлагает свой семантический анализ, сводящийся, грубо говоря, к тому, что существительные и прилагательные связаны с различными аспектами концептуализации внешнего мира. Прототипическая функция существительных состоит в категоризации — в выделении видов объектов (KIND OF THING), а прилагательных — в добавлении признака без создания новой категории. Эти различия иконически отражаются в поверхностной морфологии прилагательных и существительных, в частности, в распределении категории рода между ними (значение рода являясь постоянным для существительного и переменным для прилагательного). Наличие языков, не противопоставляющих эти части речи, не свидетельствует о произвольности данных категорий. Семантические различия, присущие существительным и прилагательным, имеются, по мнению автора, и в этих языках, но они не отражены в морфологических различиях, хотя можно ожидать их проявления в грамматическом поведении соответствующих классов слов.

По необходимости краткий обзор затронутых в книге языковых явлений демонстрирует, тем не менее, их редкое разнообразие. При этом каждое из этих явлений подвергнуто чрезвычайно тонкому и глубокому анализу и открывается читателю в неожиданном и интересном аспекте. Существовало также, что речь идет, как правило, о таких конструкциях и категориях, которые составляют ядро грамматики соответствующих языков. Конкретные описательные результаты, полученные автором, в частности, по яв-

ду вопросов русской грамматики, имеют самодовольную ценность.

В то же время в данной книге аккумулирован большой теоретический потенциал, и нет сомнения, что она окажет серьезное влияние на дальнейшее развитие как семантических, так и грамматических исследований: становится очевидным, что на грамматику нельзя уже больше смотреть как на систему формальных единиц и отношений, не зависящих от тех значений, которые они выражают, — в противном случае их внутренняя природа не может быть правильно понята.

«Я пытаюсь показать на протяжении этой книги, — пишет в заключение А. Вежицка, — что грамматика, как и словарь, кодирует значение. Это не система правил для порождения грамматически правильных предложений, а система правил для „порождения“ и интерпретации осмысленных высказываний. Проблема, решаемая говорящими, состоит не в том, как построить грамматические предложения, а в том, как сказать то, что они хотят сказать, и как понять то, что говорят другие люди» (с. 561) (ср. эту презумпцию с постулатом о модели языка в [5]: «Основной задачей лингвистики является построение действующих моделей МЫСЛЬ—СООБЩЕНИЕ»).

Думается, что основная цель автора достигнута, и всякий, кто согласится хотя бы с некоторыми из предложенных ею интерпретаций рассмотренных в книге явлений, должен будет принять и эту общую теоретическую посылку, в корне меняющую взгляд на язык и задачи и методы лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wierzbicka A. *Lingua mentalis: The semantics of natural language*. Sydney; New York, 1980.
2. Wierzbicka A. *The case for surface case*. Ann Arbor, 1980.
3. Вежицка А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986.
4. Вежицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
5. Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1983 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 621).

Кибрик А. Е.